

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

*Каталог проклятых
страниц*

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Редактор серии *Л. Латышова*

Художественный редактор *С. Курбатов*

Серова, Марина Сергеевна.

С32 Каталог проклятых страниц / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2027. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-252786-9

Частный детектив Татьяна Иванова получает необычный заказ от сотрудницы отдела редких книг. Незадолго до своей загадочной смерти главный реставратор старинных рукописей успел оставить странное предупреждение: «Он уже здесь». За этим посланием скрываются древний фолиант, спрятанный зеленый конверт, тайный каталог и загадочная фигура, известная лишь под именем Корректор. Расследование приводит Иванову в мир закрытых библиотечных фондов, редких манускриптов, коллекционеров, готовых на всё ради обладания запретными знаниями, и людей, для которых текст становится оружием. Чем глубже она погружается в историю «Каталога проклятых страниц», тем очевиднее, что кто-то тщательно стирает следы прошлого, превращая каждую смерть в часть идеально выстроенного сценария.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М.С., 2027

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-252786-9

Глава 1

ЖИВАЯ СТРОЧКА

Волжский город Тарасов растворялся в ноябрьском утре, которое было даже не временем суток, а особой формой бытия — вязкой, аморфной и безнадежно серой. За окном царила не погода, а физическая субстанция. Воздух, плотный и непрозрачный, казался сотканным из мельчайших частиц: ледяной речной испарины и едкого, печального дыма, который выдыхал в небо спящий город. Эта взвесь висела, неподвижная и влажная, застилая панораму домов, похожих на размытые акварельные пятна. Сквозь нее свет уличных фонарей, еще не погасших, рассеивался в желтых, бесформенных ореолах, не способных осветить даже тротуар под собой.

Все было приглушено, обернуто в вату. Звук автомобильных шин по мокрому асфальту превращался в протяжное, сиплое шуршание. Редкие голоса прохожих терялись, не долетая до окон второго этажа. Даже привычный бой часов на колокольне — металлический, ясный, —

пробивался сквозь эту хмарь глухо и утробно, будто доносился не с высоты, а из-под земли. По стеклам тонкими, извилистыми ручейками струилась влага, конденсат — холодный пот самого утра. Мир за окном казался не просто затуманенным, а выцветшим, лишенным перспективы, словно кто-то взял кисть и тщательно заретушировал все контуры, оставив только оттенки свинца, мыльной воды и золы. Это была погода, в которой тонули не только дали, но и мысли, и сама воля к движению.

В этой давящей тишине «конспиративная» квартира, доставшаяся по наследству от бабки, была не клеткой, а скорее коконом — странным, но обжитым пространством, где приметы старины не давили, а служили фоном для четко организованной жизни. Это была просторная, почти пустынная комната в старом доме с высокими потолками и панорамным окном, которое сегодня было серым прямоугольником тумана.

Старость здесь оставалась в архитектуре: в дубовых, потемневших от времени панелях на стенах, в лепном карнизе под потолком, в котором притаилась паутина, в массивных, никогда не закрывающихся на ключ дверях. Но я вложила в это пространство деньги и здравый смысл. Главным приобретением был большой рабочий остров у окна: широкий стол-трансформер из светлого бука, на котором царил образцовый порядок. Современный ноутбук,

беспроводная зарядка, стильный органайзер для ручек и диктофонов, стопка чистых блокнотов. Рядом, на отдельной тележке, стояла моя гордость — профессиональная кофейная станция с ручной кофемолкой, эспрессо-машиной и баночками с отборными зернами. Пустая фарфоровая чашка, стоявшая сейчас рядом со мной, была частью дорогого японского сервиза, а не случайным осколком прошлого.

Вдоль дальней стены все так же тянулись бабушкины архивные стеллажи, но они больше не производили впечатления хаотичного склада. Коробки были аккуратно рассортированы, пронумерованы и накрыты льняной тканью, превратившись в абстрактный текстурный элемент интерьера. Напротив, у другой стены, стоял глубокий и мягкий диван-кровать в темно-сером чехле, заваленный десятком подушек и укрытый пледом из тонкой шерсти, — островок для размышлений вдали от стола.

Я установила современные светильники с теплым светом: торшер у дивана, точечную подсветку над столом. На полу лежал не потрепанный ковер, а большой плотный ковер-пазл с абстрактным геометрическим рисунком, гасящий шаги. Даже массивную чугунную батарею не стала прятать, а выкрасила в матовый черный цвет, превратив в дизайнерский объект.

Воздух пах иначе: не пылью и газом, а дорогими зернами, воском для дерева с оттенком ■

бергамота и легкой, почти неуловимой нотой моих духов — что-то свежее, с хвойной основой. Это была моя крепость. Профессиональный инструментарий. И именно поэтому вид единственной нерешенной проблемы — зияющей трещины в штукатурке над дверью, до которой все не доходили руки, — раздражал особенно сильно. Я смотрела на этот чужой, неподконтрольный изъян в идеально организованном мире и снова принималась подсчитывать ресурсы, чувствуя, как под слоем комфорта и контроля копошится тот самый липкий, финансово мотивированный червь тоски.

Тишину разорвала пронзительная двухзвонковая трель телефона, лежавшего на диване. Я вздрогнула, не от неожиданности, а от резкости звука в этой гнетущей тишине, и отвела взгляд от трещины. Медленно поднялась, костяшками пальцев провела по вискам и, не торопясь, пересекла комнату, давая звонку набрать три гудка для солидности, и сняла трубку.

— Иванова, — произнесла я в трубку, и собственный голос показался мне сиплым от безмолвия.

В ответ — не голос, а звук. Сначала — резкий, неровный вдох, будто человек на другом конце линии только что перестал плакать или, наоборот, вот-вот заплачет. Потом шепот, такой тихий и дрожащий, что я непроизвольно прижала трубку плотнее к уху.

— Это... детектив? Мне... мне дали ваш номер. Сказали, вы... вы разбираетесь в... в странных делах. В которых не все очевидно.

Голос был женским, на грани срыва, но за этой паникой, словно стальная струна в разболтанном инструменте, звенящая внутри, я уловила то самое чувство, присущее большинству моих клиентов, — неподдельный, чистый ужас. Не бытовую истерику, не притворство, а настоящий, леденящий животный страх. Его не сыграть. Его можно только переживать. В пальцах, сжимавших трубку, появилась легкая дрожь — не от страха, а от внезапного, острого профессионального интереса, пронзившего скуку, как игла.

— Частный детектив Татьяна Иванова, да, — подтвердила я нарочито медленно и спокойно. — Я разбираюсь. Что случилось? — мой голос стал ровнее, тверже. В нем появилась та самая нота, которую клиенты бессознательно ищут, — контроль, способный обуздать их хаос.

— Встреча... Нужна встреча. Срочно. Сегодня. Только, умоляю, не в офисе... и не у меня дома. Где-нибудь, где никто нас не узнает.

Я закрыла глаза на секунду и быстро прикинула стоимость аренды этой квартиры, цену на любимые кофейные зерна и абсолютную пустоту в рабочем графике. И сделала то, что делает любой уважающий себя специалист в условиях рыночной экономики и тотальной скуки, — подняла ставку.

— Встреча возможна. Мой стандартный гонорар, — сказала я, намеренно сделав паузу. — Плюс оперативные расходы. В данном случае, учитывая срочность и необходимость в особой конфиденциальности... работа будет стоить дороже. Предоплата за два дня. Наличными.

Я приготовилась к возражениям, к попыткам торга, к возможному хлопку трубки. Но в ответ услышала лишь еще один прерывистый вдох и почти беззвучное:

— Хорошо. Согласна. У меня есть... У меня есть деньги. Лариса. Меня зовут Лариса Новикова. Где вам удобно?

Безропотно. Без единого вопроса. Это было важнее любой предоплаты. Страх этой женщины был дороже денег, и она, Лариса Новикова, готова была платить по любому тарифу, лишь бы разделить этот страх с кем-то еще.

— Через полтора часа, — четко продиктовала я адрес кофейни «У Роберта» — крошечное полуподвальное помещение в переулке у самой реки, куда заходят только свои, — место практически безлюдное, с хорошим обзором и двумя выходами. — Будьте одеты неброско. Не пользуйтесь такси. Если почувствуете слежку — проходите мимо и садитесь в дальний угол, спиной к входу.

— Хорошо... — выдохнула она. — На мне будет зеленый шелковый шарф.

■ — Договорились.

Положив трубку, я еще какое-то время стояла, прислушиваясь к гулу в ушах, сменившему тишину. Серое утро за окном внезапно обрело перспективу. Оно все еще было мерзким, но теперь в нем появилась цель, а вместе с ней — и привкус, уже не только кофейной горечи, но и чего-то острого, металлического. Привкус настоящего дела. Я вернулась к столу, отпила из чашки холодной кофейной гущи, скринулась и потянулась к черной деревянной коробке. Прежде чем идти на встречу с чьим-то ужасом, нужно было спросить совета у костей. Я встряхнула ладонь и бросила кости на столешницу. Они поскакали, как костяные кузнечики, издав сухой, четкий стук, и замерли.

Гадательные кости — мои давние помощники. Три двенадцатигранника, на каждом — цифры, в общей сложности от 1 до 36.

11... 18... 27.

Я прищурилась. Память услужливо подсунула нужную страницу из ментального каталога.

«Кто-то готовится сделать вам выгодное предложение».

— Отлично, — выдохнула я. Теперь можно было начать собираться на встречу, которая предвещала прибыль моему почти опустевшему кошельку.

Я отпила последний холодный глоток из чашки, отодвинула ее и встала. Рабочий день, пусть и начинающийся со звонка от испуган-

ной женщины, диктовал свой дресс-код. Моя «конспиративная» квартира была лишена гардеробной, но у стены, рядом с диваном, стоял узкий, высокий шкаф из темного дерева. В нем не было платьев для коктейлей или уютных домашних свитеров. Только рабочая униформа.

Я открыла дверцу. Внутри царил строгий порядок, распределенный по полкам и вешалкам: несколько пар идентичных темных джинсов прямого кроя, черные и темно-серые водолазки из тонкой, немнущейся шерсти, рубашки-поло, несколько свитеров с высоким горлом, пара строгих блейзеров. Одеваясь, я действовала на автомате, выбрав плотно облегающую водолазку, не стесняющую движений, и джинсы, которые заправила в высокие, удобные ботинки на толстой, нескользящей подошве.

Затем я подошла к небольшому зеркалу в раме, висящему над комодом. Мое отражение — бледное от бессонной ночи и тусклого света — требовало минимальной коррекции. Макияж в моей работе — это не украшение, а камуфляж и оружие. Нужно было выглядеть максимально обыденно.

Я взяла тональную основу легкого покрытия и едва заметным слоем выровняла тон лица, скрыв синеву под глазами. Никакого румянца. Рассыпчатая пудра зафиксировала все и убрала лишний блеск. Брови я лишь слегка подчеркнула гелем. На веки — микродозу бежевых ма-

товых теней, просто чтобы замаскировать припухлость. Ресницы покрыла одним слоем туши, не делая их «кукольными». Губы — бесцветным бальзамом с легким блеском. Весь процесс занял минуты три. В итоге из зеркала смотрела на меня не красавица, а просто уставшая, но собранная молодая женщина с правильными, но ничем не примечательными чертами лица. Та, на которую в толпе не обернутся.

Накинув короткую зимнюю куртку, я вернулась к столу за инструментами. Смартфон ушел во внутренний карман. В один наружный — миниатюрный диктофон. В другой — гадальные кости (старая привычка и талисман).

Пистолет — мой служебный «Макарыч» — остался в потайном сейфе, встроенном в старую батарею. В такую погоду, да и на первую встречу с дрожащей от страха женщиной, железо под мышкой было бы слишком театрально и глупо. Я предпочитала другие аргументы.

Я потянула капюшон куртки, но не надела его, лишь поправила волосы — длинную, прямую блондинистую прядь убрала за ухо. Взглянула в зеркало последний раз. Идеально. Ничего лишнего. Ничто не выдавало во мне частного детектива, кроме, возможно, слишком внимательного, чуть изучающего взгляда зеленых глаз. Но это уже не исправить.

Я выключила свет, и комната снова погрузилась в полумрак, теперь уже пустая и молчали-

вая. Ключи — один обычный, другой электронный — зажала в кулаке. Вдохнула запах квартиры: кофе, дерево, бергамот — и вышла, мягко прикрыв за собой тяжелую дверь. Я была готова слиться с этим серым ноябрьским утром и с толпой, которая в нем тонула.

Спускаясь, я перебирала в голове банальные варианты: муж-деспот, шантаж, кража бриллиантов бабушки...

Но где-то глубоко внутри, под слоем профессионального цинизма, екнуло то самое предчувствие. Оно подсказывало, что в этот раз бриллианты будут в лучшем случае бутаторскими. А вот тайны окажутся очень даже настоящими. И уж точно серьезными.

Кофейня «У Роберта» пряталась в полуподвале старого купеческого особняка, выходившего фасадом на тихую, почти пустынную площадь у реки. Помещение было не просто малопроходимым — оно было забытым. Это было место-убежище: низкие сводчатые потолки, кирпичные стены, тонущие в полумраке, и густой сладковатый запах старого кофе, впитавшегося в дерево столов и кожу диванов. Тишину нарушали лишь бульканье старой эспрессо-машины за стойкой и тихая джазовая пластинка, поставленная барменом-философом явно для себя самого. Этот полумрак и акустика делали заведение идеальным для исповеди.

Я пришла раньше и заняла столик в самом дальнем углу, спиной к теплой, шершавой кирпичной кладке, с идеальным обзором на единственный вход и запасной выход, обозначенный скромной табличкой «Выход». Заказала двойной эспresso, зная, что он здесь будет так себе, но ритуал был важнее качества. Я только сделала первый глоток, когда дверь открылась, впус­тив клубок холодного, влажного воздуха.

На пороге замерла женщина. Именно замерла, будто пересиливая желание бежать. Я сразу поняла — это Лариса. Слишком характерный голос у нее был — ломкий, неуверенный. И внешность соответствовала: худая, почти прозрачная. На ней был длинный, бесформенный плащ болотного цвета, явно не по размеру, и тусклый темно-зеленый шарф, несколько раз обмотанный вокруг шеи. Но больше всего запоминалось лицо: не просто бледное, а фарфорово-белое, с синеватыми прожилками у висков и тончайшей сеточкой морщинок у глаз, которые казались неестественно большими за стеклами очков в роговой оправе. Оправа была старомодная, добротная, но одна дужка аккуратно подклеена у основания бежевым пластырем — деталь, кричащая о привычке к экономии, о нежелании тратить­ся на себя, о сосредоточенности на чем-то ином.

Она оглядела зал испуганным взглядом косули, заметила мой кивок и поплыла ко мне, ■

двигаясь неслышно, будто не касаясь пола. Ее движения выдавали человека, привыкшего к тишине: осторожная постановка ног, плечи напряжены. Когда она сняла плащ, под ним оказался простой серый кардиган поверх такой же серой блузы с маленькими, аккуратными пуговицами под горло — униформа скромного служащего. Ничего яркого, ничего лишнего. Даже часы на ее тонкой кисти были старыми, с потускневшим циферблатом и кожаным ремешком, потертым до белизны по краям.

Она села, положила сумочку из искусственной кожи на колени и обхватила ее обеими руками, чтобы они не тряслись. А тряслись они отменно — мелкой, частой дрожью, которую не могла остановить даже эта железная хватка. Ее пальцы были длинными, тонкими, с аккуратно подстриженными ногтями без лака, но с едва заметными пятнышками черной туши и следами старого клея — пальцы реставратора или архивиста.

— Спасибо, что... пришли, — ее голос был едва слышен даже в этой тишине, хрипловатый от волнения.

— Кофе заказать? — спросила я намеренно просто, по-бытовому.

— Нет-нет, я... я не буду. Спасибо.

Она сделала еще один глубокий, прерывистый вдох, и ее глаза за стеклами очков забегали, не находя точки, на которой можно было бы остановиться. В них читался не про-

сто страх, а какая-то растерянность, как если бы привычный, упорядоченный мир каталогов и картотек вдруг рухнул и все правила перестали действовать.

— Меня зовут Лариса Новикова. Я младший научный сотрудник отдела редких книг и рукописей в «Публичке». Тарасовской государственной публичной... — заученно начала было она.

— ... библиотеки имени Гавриила Степановича Волошина, — того самого основателя Тарасова, чьи рукописи до сих пор будоражат умы местных историков, знаю это место, — я мягко перебила с полуулыбкой, давая ей понять, что она в безопасности. — Расскажите, что случилось. Своими словами.

Мое спокойствие, кажется, немного передалось ей. Она разжала пальцы на сумочке, поправила очки — механический, успокаивающий жест.

— Умер Леонид Петрович Вольский. Мой наставник. Главный реставратор. Его... его нашли позавчера вечером в его кабинете. В башне. За рабочим столом.

Она замолчала, глотая ком в горле. Глаза ее наполнились водой, но слезы не потекли, будто застыли там, под стеклами, увеличивая и без того огромные зрачки.

— Официально... врачи сказали: остановка сердца. Ему было семьдесят два. Все сказали —